

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Строганов В., свящ.

«МЕХИ НОВЫЕ» ЧЕТВЕРТОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 300-летию Московской
Духовной Академии (1685-1985).
С. 166-173

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

Священник Василий СТРОГАНОВ

«МЕХИ НОВЫЕ» ЧЕТВЕРТОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Издавна признано фундаментальное отличие Евангелия от Иоанна το πνευματικόν от трех Евангелий τα σωματικά: от Матфея, Марка и Луки. В центре внимания православных библиистов — богословский характер Откровения истины в Четвертом Евангелии. Отмечая дополнительность Евангелия от Иоанна по отношению к синоптикам, библиист с мировым именем профессор СПбДА Николай Никанорович Глубоковский подчеркивал, что значение нового материала — не в добавочных «подробностях, а в их специальной типичности строго догматического свойства, во внутреннем существе всех деталей»¹. Другой выдающийся богослов-экзегет, профессор МДА Митрофан Дмитриевич Муретов, утверждая, что все Евангелия «имеют, с одной стороны, действительный исторический характер, поскольку описываемое в них явление было действительно историею, а с другой — догматико-богословский, поскольку описываемый в них Спаситель был не обыкновенною историческою личностью, но Еммануилом и воплотившимся Словом — Сыном Божиим», полагал, что различие между Евангелиями состоит в степени преобладания исторического или богословско-догматического содержания. «Чем ближе стоит евангелист к лицу Спасителя, тем больше личного элемента и идейности в его Евангелии, — и чем дальше стоит евангелист от лица Спасителя, тем больше в его Евангелии внешне летописной историчности»².

Православные богословы отмечают и присущий только Евангелию от Иоанна отличный от синоптических Евангелий способ представления богословского и исторического содержания, так называемый «философский способ», который определяет последовательность изложения событий по их внутренним глубинным взаимосвязям³. Обращено внимание и на «дидактические принципы пастырского опыта святого апостола»⁴.

Христианство, принеся в мир новое религиозное содержание, избирает для него соответствующие новые формы. «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие... Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9, 17). Каковы же эти «новые мехи» языка Четвертого Евангелия в концептуальном плане? Попыткой ответа на данный вопрос и является настоящая работа. Предметом исследования в таком случае становятся инвариантные характеристики текста, как правило, сохраняющиеся при переводе. Евангельский текст приводится на греческом, славянском и русском языках.

* * *

Итак, Четвертое духовно-богословское Евангелие написано, по словам евангелиста, чтобы «вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий» (Ин. 20, 31). И написано оно таким образом, что не только является историческим сообщением об этой истине, но и доказательством ее, подобно богословскому трактату, утверждающему истинность своих положений.

Слово *истина* — греч. *alētheia* и однокоренные *alēthēs*, *alēthinos* и *alēthōs* встречаются в Евангелии от Иоанна более 50 раз — так часто, как если бы одной из специальных задач евангелиста было рассмотрение истинности. В Евангелии от Иоанна *истина* с однокоренными словами встречается более чем в 7 раз чаще, чем в Евангелии от Луки, в 10 раз чаще, чем в Евангелии от Матфея, и почти в 9 раз чаще, чем в Евангелии от Марка. Слово *alētheia* встречается 25 раз в Евангелии от Иоанна, по 3 раза в Евангелиях от Марка и от Луки и только один раз в Евангелии от Матфея.

Бе Свет истинный (1, 9); *исполнь благодати и истины* (1, 14); *благодать же и истина Иисус Христом бысть* (1, 17); *творяй же истину* (3, 21); *Бог истинен есть* (3, 33); *се воистинну рекла еси* (4, 18); *егда истиннии поклонници поклоняются Отцу духом и истинно* (4, 23); *духом и истинно достигб кланяются* (4, 24); *слово есть истинное* (4, 37); *Сей есть воистинну Спас миру* (4, 42); *свидетельство Мое несть истинно* (5, 31); *истинно есть свидетельство* (5, 32); *свидетельствова о истине* (5, 33); *сей есть воистинну пророк* (6, 14); *хлеб истинный с небесе* (6, 32); *Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво* (6, 55); *Сей истинен есть* (7, 18); *Сей есть воистинну Христос* (7, 26); *есть истинен Пославый Мя* (7, 28); в 8, 13, 14, 16, 17, 26, 31, 32 (дважды), 44 (дважды), 45, 46; 10, 41; 14, 17; 15, 1, 26; 16, 7, 13 (дважды); 17, 3, 8, 17 (дважды), 19; 18, 37 (дважды), 38; 19, 35 (дважды); 21, 24.

Евангелие от Иоанна не только устанавливает истинность слов и дел пришедшего в мир Христа, но и содержит более сильное утверждение о том, что сама истина произошла чрез Иисуса Христа (1, 17), что истина — это Христос (14, 6).

На то, что Четвертое Евангелие — именно богословское произведение, доказывающее истинность своих положений, указывает и диалогичность прямой речи Христа.

В Синоптиках прямая речь — часто монолог-проповедь, притча, в Четвертом Евангелии — преимущественно диалог. Здесь прямая речь Христа почти постоянно прерывается ремарками слушающих, указаниями на ситуацию, разъяснениями евангелиста и т. д. Если в Евангелии от Матфея прямая речь Иисуса Христа занимает около трех пятых всего текста, то в Четвертом Евангелии — меньше половины текста, но при этом частота употребления личного местоимения первого лица более чем в два раза выше по сравнению с Евангелием от Матфея и с Евангелием от Луки и более чем в 4 раза выше в сравнении с Евангелием от Марка. Четвертое Евангелие — это смена ситуаций убеждения, доказательства, полемики, удостоверения. Здесь подчеркнута личная общность Христа к слушающему, который не может уклониться от интерпретации проповеди, поскольку отказ от интерпретации является также интерпретацией, поэтому: «Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?» (8—46) и: «не приемлющий слов Моих имеет судию себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (12—48).

Таким образом, текст Четвертого Евангелия провозглашается истинным и по содержанию, и по форме. Но одно дело — видеть перед собой доказательство и другое — знать, как оно построено.

Текст, утверждающий истинность своих положений, должен располагать соответствующим способом доказательства. Под истинностью в таком случае следует понимать не только истинность содержания текста, но и истинность формы — способа представления этого содержания, в частности истинность логико-лингвистического кредо, избранного для его построения. Чтобы доказывать на языке, необходимо уметь пользоваться языком, и чем важнее доказательство, тем большим знанием о языке следует располагать. В данном случае перед нами постановка и решение задачи такой важности, при которой требуется детальное изучение даже наиболее косвенных и далеких свидетельств о способе употребления языка.

Ключевой момент Четвертого Евангелия — его Пролог определяет всю последующую структуру текста.

В Прологе центральным является начало:

1. En archēi ēn ho logos,
kai ho logos ēn pros ton theon,
kai theos ēn ho logos.
2. hoytos ēn en archēi pros ton theon.

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога.

Второй стих повторяет то суждение, которое было развернуто в предыдущем. Это отмечено святителем Василием Великим: «Евангелист опять в немногих речениях сокращенно излагает все свое богословие, какое предал нам об Единородном»⁵.

В первой фразе *Слово* представлено — *в начале было Слово*, во второй — поставлено в определенное отношение к *Богу* — *Слово было у Бога*, в третьей — определено — *Слово было Бог*. Причем именно *Слово* является подлежащим, которое определяется, что и выражено в греческом языке отсутствием артикля, а в славянском переводе скрыто (*Бог бе Слово*) и восстановлено в русском порядком слов — *и Слово было Бог* — kai theos ēn ho logos. И, наконец, в следующей фразе все содержание суммируется в одном: *Оно* (то есть *Слово-Бог*) *было в начале у Бога*.

Причем Ин. 1, 2, не будучи по структуре определением, включает в себя и явное определение — *Слово было Бог. Оно* (Ин. 1, 2) — *Слово-Бог*.

Таким образом, по содержанию и по форме четвертая фраза — сумма первых трех, за единственным формальным отличием: *logos* — *theos* здесь замещены местоимением *ho utes*. Три фразы, из которых первые две сообщают о Логосе нечто, а третья определяет Его, заключены в одну.

Отметим и тот факт, что во второй и третьей фразах места почти совпадающих предикатов *ēn/ēn pros* заполняют одни и те же имена: *theos/logos*.

Но эти фразы являются функционально различными. Одна из них по своей логико-грамматической структуре — это сообщение о действительности, а вторая — определение и, следовательно, является не только сообщением о действительности, но и сообщением о значении слова — *logos*, то есть его определением.

Из истории классификации типов высказываний, в частности, известно, что Платон, например, требовал определения вещей (*res*), а не имен (*nomina*); Аристотель допускал и реальные и номинальные определения, не сомневаясь, по-видимому, как и современные философы языка и логики, в существовании «достаточно четкого различия между терминами, обозначающими предметы, с которыми имеешь дело в данной науке, и терминами, обозначающими различные виды выражений, которые в ней попадаются»⁶.

Такие структурные особенности первых двух стихов Пролога, как единство элементов функционально различных фраз (*Слово, Бог, было у, было*) и последующее представление этих фраз в одной, указывают на функциональную эквивалентность обычных повествовательных высказываний и определений. Другими словами, здесь может утверждаться единство двух процессов — обозначения действительности и обозначения языковых выражений, то есть то, что имена всегда одновременно обозначают *res* и *nomina*, что любое высказывание о действительности является высказыванием о языке.

Следующее высказывание Пролога (Ин. 1, 3) по своей структуре соответствует предыдущему стиху. Здесь также три фразы с повторяющимися элементами:

*panta di'aytoy egeneto,
kai chōris aytoy egeneto oyde hen, ho gegonen.*

Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло.

Вторая фраза *kai chōris aytoy egeneto oyde hen* является смысловым эквивалентом первой *panta di'aytoy egeneto*.

Эти фразы, составляя собою определение, воспринимаются как последующее определение Слова⁷.

Следующий стих (Ин. 1, 4):

*en autōi dzōē ēn,
kai hē dzōē ēn to phōs tōn anthrōpōn.*

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков также содержит обычное высказывание и определение. Начало этого стиха напоминает о структуре первой фразы Пролога:

*en archēi ēn ho logos в начале было Слово
en autōi dzōē ēn в Нем была жизнь*

Вторая фраза Ин. 1, 4 *kai hē dzōē ēn to phōs (tōn anthrōpōn)* соответствует третьей фразе Пролога:

kai theos ēn ho logos.

Следующий, пятый стих имеет ту же двухфразовую структуру предыдущего стиха с повторением элементов:

*kai to phōs en tēi skotiāi phainēi
kai hē skotia ayto ou katelaben.*

Свет во тьме светит и тьма не объяла его (свет).

Из-за повторяющихся лексических элементов *тьма* и *свет* обе фразы звучат как параллельные, эквивалентные по содержанию, то есть почти как определения друг друга.

Заметим, что фразы четвертого стиха также могут быть представлены как эквивалентные друг другу в соответствии с Ин. 8, 12 — *Аз есмь свет миру*.

Следующий, шестой стих имеет ту же двухфразовую структуру: неопределение и определение:

*Egeneto anthrōpos (apostalmenos para theoy)
opoma autōi Iōannēs*

Был человек (посланный от Бога) имя ему Иоанн.

В следующем трехфразовом стихе (Ин. 1, 7):

hoytos êlthen eis martyrian,
hina martyresêi peri toy phôtos,
hina pantes pisteysôsîn di' aytoy.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез Него,— две последние фразы являются определением к слову *свидетельство* — *свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез Него*.

В следующем, восьмом, две фразы:

oyk ên ekeinos to phôs,
all'hina martyresêi peri toy phôtos.

Не бе той Свет, но да свидетельствует о Свете.

Первая — явное отрицательное определение — *не бе той Свет*, а во второй дается объяснение этому определению посредством повтора-цитаты второй фразы предыдущего стиха — *да свидетельствует о Свете*.

В девятом стихе:

En to phôs to alêthion,
ho phôtidzei panta anthrôpon erchomenon eis ton kosmon

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека... Свет истинный является, несомненно, определением Слова, поскольку и Слово и Свет определяются эквивалентными фразами: *все чрез Него начало быть* (Ин. 1, 3) и *мир чрез Него начал быть* (Ин. 1, 10).

Три фразы десятого стиха:

en tōi kosmōi ên,
kai ho kosmos di'aytoy egeneto,
kai ho kosmos ayton oyk egnō

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал—как бы формально напоминают о структуре первого стиха Пролога и, раскрывая отношение Предвечного Слова к миру, звучат как определения — *приговор миру: мир—это то, где Он был; мир—это то, что создано Им; мир—это тот, который Его не познал*.

В одиннадцатом стихе — две короткие фразы с повторяющимися словами:

eis ta idia êlthen,
kai hoi idioi ayton ou parelabon

Во своя прииде, и свои Его не прияша. В первой фразе опущено подлежащее Свет. На него указывает глагольная форма *прииде* и местоимение-заместитель *Его* второй фразы. То, что было грамматическим подлежащим в первой фразе, стало дополнением во второй. И наоборот, дополнение первой фразы *во своя* стало подлежащим второй фразы *свои Его не прияша*. Эта структурная перестановка, при которой одни и те же элементы меняются местами при следующих один за другим предикатах, является типичной характеристикой иоанновского текста.

Проследим это явление с начала Пролога. В первом и втором стихах повторяющиеся элементы *Слово* и *Бог* занимают постоянные места, даже и у функционально разных предикатов *êн/êн* *proç* — в повествовательной структуре и в определении.

В третьем стихе места при следующих друг за другом предикатах стабильно занимают один и те же элементы. Сходство предикатов и элементов, заполняющих их места, позволяет говорить о функциональной эквивалентности данных фраз.

В четвертом стихе слово *жизнь* занимает в первой фразе второе место, во второй — первое место. Эта перемена мест, а также устанавливаемая в дальнейшем эквивалентность *Слово* — *Свет*, для сочтаний в Нем, *свет* *человеков*, занимающих другие места предиката *êн* (*была, бе*) этих фраз, позволяет считать первую фразу почти определением: *Слово* — *Жизнь*.

В пятом стихе, как и в одиннадцатом, одни и те же элементы меняются местами при разных предикатах: *свет во тьме светит, и тьма не объела его* (*свет*).

В двух фразах шестого стиха при повторяющихся элементах (*человек, ему*) сохраняется почти та же «глубинная» синтаксическая структура, что и в стихе четвертом: *была жизнь — жизнь-свет; был человек — человек-Иоанн**. Фраза *имя ему Иоанн* является определением введенного в предыдущей фразе слова *человек*.

В фразах седьмого стиха *сей* и *ему* (*Иоанн*) — занимают разные места предикатов.

В восьмом стихе то же самое имя *Иоанн* — на первом месте предиката: *Он не был свет*.

* «Глубинная» структура — наиболее простая из перефразированных структур, сохраняющих то же содержание. Отличие здесь в том, что в шестом стихе — односторонний предикат: *быть человек*, а в четвертом — двухместный: *в Том живот бе*.

В девятом стихе — одноместный предикат со словом *Свет*, которое во фразе следующего десятого стиха будет занимать последовательно первое и второе места.

Десятый стих представляет собой синтаксическую структуру с повторяющимися элементами, меняющими места. Чтобы более отчетливо представить особенности данной конструкции, мы указываем в скобках опущенные или замещенные местоимениями слова и ставим предикаты в центр:

(Свет) был в мире
мир начал быть чрез Него (Свет)
мир не познал Его (Свет)

То есть здесь та же перемена мест, что и отмеченная выше в следующих, одиннадцатом и двенадцатом стихах:

Елицы приаха Его
(Той) даде им

Подобные примеры в Евангелии от Иоанна многочисленны. Укажем только на некоторые из них*:

(Слово) вселися в ны
(мы) видехом славу Его (Слова) (Ин. 1, 14);
Иоанн свидетельствует о Нем:
Сей бе

рех Его же (Ин. 1, 15);
Той есть грядый по мне
Иже бысть предо мною
Аз не смею достоин да отрешу ремень сапогу Его (Ин. 1, 27);
Иоанн виде Иисуса
Се (есть) Агнец Божий (Ин. 1, 29);

Сей есть

Аз рех о Нем
Муж грядет по мне
Иже бысть предо мною
(Той) первее бе мене (Ин. 1, 30);
аз не ведех Его

(Той) явится Израилеви
аз приидох сего ради (Ин. 1, 31);
(Иоанн) видех Духа
(Дух) пребысть на Нем (Ин. 1, 32);
аз не ведех Его

Той есть крестяй (Ин. 1, 33);
(Иоанн) узрев Иисуса
Се (есть) Агнец Божий (Ин. 1, 36);

свет прииде в мир
человецы возлюбиха паче тьму, неже свет (Ин. 3, 19);
Иже бе с тобою

ты свидетельствовал еси Ему же

Сей крещает
 вси грядут к Нему (Ин. 3, 26);
человек не может приимати ничесоже
не будет дано ему (Ин. 3, 27);

(Той) свидетельствует
никтоже приемлет свидетельства Его (Ин. 3, 32);
поклонницы поклонятся Отцу
Отец ищет таковых (Ин. 4, 23);

Дух есть Бог
иже кланяется Ему (Ин. 4, 24);

вы не трудитесь
инии трудитесь
вы внидоете в труд их (Ин. 4, 38).

Текст, следующий за Прологом, является его структурным отражением. Заданные в Прологе чередования высказываний-определений с неопределенными далее встречаются в тексте неоднократно.

* Для наглядности мы расставляем имена по обеим сторонам от предикатов и в скобках восстанавливаем опущенные элементы.

Прежде всего отметим, что почти каждая глава Четвертого Евангелия располагает набором явных определений.

Укажем некоторые из них.

В первой главе: *Бог бе Слово* (1, 1); *живот бе свет человеком* (1, 4); *бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн* (1, 6); *не бе той свет* (1, 8); *несьм аз Христос* (1, 20); *Илиа ли еси ты; и глагола: несъм. Пророк ли еси. И отвеща: ни* (1, 21); *аз глас вопиющего в пустыни* (1, 23); *посланниц беху от фарисей* (1, 24); *ты неси Христос, ни Илиа, ни пророк* (1, 25); *се, Агнец Божий, вземляй грехи мира* (1, 29); *Сей есть, о Немже аз рех: по мне грядет муж, Иже предо мною бысть* (1, 30); *над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестий Духом Святым* (1, 33); *Сей есть Сын Божий* (1, 34); *Се, Агнец Божий* (1, 36); *Равви, еже глаголетси сказано учителю* (1, 38); *Мессию, еже есть сказуемо Христос* (1, 41); *ты еси Симон, сын Ионин: ты наречешися Кифа, еже сказуется Петр* (1, 42); *се, воистинну Израильтянин* (1, 47); *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев* (1, 49) и др.

И далее в др. главах см.: 3, 2, 6, 10, 28, 31; 4, 9, 19, 24, 25, 26, 34, 42; 5, 18, 27, 35; 6, 14, 29, 33, 35, 39, 40, 41, 42, 48, 51, 55, 58, 63, 69, 70, 71; 7, 16, 26, 40, 41; 8, 12, 23, 25; 33, 34, 37, 44; 47, 48, 54; 9, 5; 10, 7, 9, 11, 14, 30, 36; 11, 25, 27; 12, 46, 50; 13, 13; 14, 6; 15, 1, 5, 12, 14; 17, 3, 7, 17; 18, 36, 37; 20, 31 и т. д.

Разновидностью определений в тексте являются замены, переназывания, обращения. О подобном понимании замечений в тексте свидетельствуют примеры, в которых то, что сначала замещается, затем дается в форме явных определений. Ср., например, *свет* в стихах Пролога и в определениях *Аз емь свет миру* (8, 12) и *Егда в мире емь, свет емь миру* (9, 5).

В 12, 35: *Рече же им Иисус: еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате...* и 12, 36: *Пока свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света слово емь употребляется как в Прологе, а в 12, 46 переводится в явное определение, как до этого в 8, 12 и 9, 5: *Аз свет в мир приидох.**

То, что обращение понимается как явное определение, мы видим в 13, 13: *Вы глашате Мя Учителя и Господа: и добре глаголете: емь бо.*

В Прологе даны основные определения: *Слово — Бог, Свет, Свет истинный, Единородный от Отца, Иисус Христос, Единородный Сын*; и представлены те (в *Том живот бе; истина Иисус Христом бысть*), которые будут даны в дальнейшем тексте в 14, 6 — *Аз емь... и истина и живот.*

Текст разворачивается из Пролога и как бы снова может быть свернут и заключен в нем.

Взаимосвязанность всех частей текста осуществляется многочисленными повторами слов и фраз, чередованием обычных высказываний и высказываний-определений, переходящих друг в друга, тождественными синтаксическими конструкциями, перестановкой имен при предикатах. Благодаря столь мощной системе взаимосвязей элементов текста, повествовательные фразы и фрагменты текста-описания отдельных явлений и событий, таких, как брак в Кане Галилейской, беседа с самарянкой, исцеление расслабленного и слепорожденного и другие,— оказываются тесно связанными с фрагментами богословского содержания, являются материалом для догматических заключений. Таким образом, слова и деяния явившегося Мессии в Четвертом Евангелии представлены как единый сплав.

Явное указание в евангельском тексте на параллелизм слов и дел Спасителя наилучшим образом соответствует концепции функционального тождества высказываний-определений и высказываний о действительности.

10, 25: *Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне.*

10, 32: *Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?*

10, 37—38: *Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне (то есть словам Моим), верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.*

12, 37: *Сколько чудес сотворил Он пред вами, и они не веровали в Него.*

12, 47—49: *И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец. Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить.*

14, 11: *Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самим делам.*

15, 7: *Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут; то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам.*

15, 22: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха...*

15, 24: *Если бы Я не творил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха...*

Слова и дела Спасителя находятся во взаимном соответствии. Об этом свидетельствует и синонимичное параллельное употребление выражений *слово* (*говорить*) и *дело* (*делать, творить*) в следующих стихах:

8, 28: *И что ничего не делаю от Себя; но, как научил Меня Отец Мой, так и говорю.*

8, 38: *Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего.*

14, 10: *Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя, Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела.*

Отметим и многочисленные примеры параллельных конструкций со словом *имя* и без него, свидетельствующие о полной равнозначности данных выражений. Особенно в 3, 18, где синонимичность подобных выражений представлена явным образом.

1, 12: *верующим во имя Его;*

2, 11: *и уверовали в Него;*

2, 23: *уверовали во имя Его;*

3, 15: *всякий верующий в Него;*

3, 18: *Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия;*

3, 36: *верующий в Сына;*

4, 39: *уверовали в Него*.*

Этими примерами подтверждается положение о тождестве высказываний о языке и высказываний о действительности; говорить об имени объекта или о самом объекте, в данном случае — истинного соответствия имени обозначаемому, — это одно и то же: *прежде всего, Я то, что и говорю вам* (8, 25).

Наконец, это единство слов и дел утверждается как истина: истинные слова и дела находятся в истинном соответствии друг с другом. Об этом свидетельствует вошедшее в ткань текста и уже отмеченное употребление слова *истина* и однокоренных с ним: и греческое и славянское — *аминь, аминь*, которыми начинаются 25 высказываний текста и которое передано в русском переводе эквивалентным *истинно, истинно***.

Дух дышит, где хочет (Ин. 3, 8), и человеческий язык — лишь инструмент в Домостроительстве Божиим. Текст, в котором сказано: *Никогда человек не говорил так, как этот Человек* (Ин. 7, 46) — обладает своей собственной, незамаскированной логикой и системой представления содержания, своей классификацией различных типов высказываний. Гармоничное сочетание богословско-догматического, дидактического и исторического содержания Четвертого Евангелия основано на единстве двух процессов обозначения *ges* и *potipa*, мыслимых изолированными в античной и позднейшей науке. И, наконец, отмечая значение, которое уделяется словам языка человека в Четвертом Евангелии, следует напомнить о том, что первое, что делает явившийся Мессия, по Евангелию от Иоанна, — это дает новое имя Симону, сыну Ионнину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Глубоковский Н. Н.* Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле. София, 1932, с. 127.

² *Муретов М. Д.* Четвероевангелие. Сравнительные особенности канонических Евангелий по их содержанию, главным мыслям и изложению. Сергиев Посад, 1915, с. 28—29.

³ *Баженев И.* Характеристика Четвертого Евангелия со стороны содержания и языка. Казань, 1907, с. 40—41.

* И далее, в 6, 40; 8, 30; 9, 35; 9, 36; 10, 42; 11, 45; 12, 11 и др.

** См. 1, 51; 3, 5, 11; 5, 19, 24, 25; 6, 26, 32, 47, 53; 8, 34, 51, 58; 10, 1, 7; 12, 24; 13, 16, 20, 21, 38; 14, 12; 16, 20, 23; 21, 18.

⁴ *Питирим, архиепископ.* Пастырская дидактика святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.— ЖМП, 1984, № 3, с. 70—75.

⁵ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Беседа 16. На слова: В начале бе Слово (Ин. 1, 1). Сергиев Посад, ч. 4, 1892, с. 252.

⁶ *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948, с. 62.

⁷ В толковании архимандрита Михаила Лузина о второй половине стиха: «повторение, разъяснение и усиление предыдущего выражения о творческой деятельности Слова». *Михаил, архимандрит.* Евангелие от Иоанна. М., 1874, с. 15.
